

СУЩНОСТЬ И ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ. КЛАССИЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

МИХАИЛ КОДИН, доктор социологических наук

К 15-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Одна из ключевых проблем социологии, которая во многом предопределила необходимость становления данной научной дисциплины, – общественные преобразования или изменения. Даже первоначальный «импульс» для своего развития социология получила в результате «тройной» – политической, промышленной и социальной революции, которая произошла в Западной Европе между 1780 и 1860 гг., т.е. вследствие серьезных социальных изменений¹.

Новая общественная дисциплина, предложенная О.Конттом, должна была исследовать законы исторического развития общества. Будучи наукой об истории как целостности, она, в самом деле, согласно Конту, определяет не только то, что было и есть, но и то, что будет, на основании принципа детерминизма. Определив в социологии два больших раздела – социальную статику и социальную динамику, ученый называл социальной статикой изучение стабильных структур, обеспечивающих порядок в обществе и его неизменность, а к социальной динамике относил исследование изменений и смены социальных явлений, причин и направленности общественного прогресса. Социолог у Конта – реформатор общества, который знает, в чем сущность человеческого порядка и, следовательно, чем станет общество, когда люди приблизятся к цели их совместного начинания².

Известно, что изменение – это процесс движения и взаимодействия предметов и явлений, перехода от одного состояния к другому, появления у них новых свойств, функций и отношений. При этом социальное изменение – это «переход объекта из одного состояния в другое; любая модификация в социальной организации общества, его социальных институтах и социальной структуре, установленных в нем образцов поведения»³.

С понятием социального изменения тесно связан термин «социальное развитие». Социальное развитие – это «процесс, в ходе которого происходят существенные количественные и качественные изменения в социальной сфере общественной жизни или отдельных ее компонентах – социальных отношениях, социальных институтах, социально-групповых и социально-организационных структурах и т.д.»⁴.

По своему характеру, внутренней структуре, степени влияния на общество социальные изменения можно подразделить на две большие группы – эволюционные и революционные.

Когда старые элементы определенной социальной системы вытесняются постепенно накапливающимися новыми элементами, то можно говорить, что социальные изменения происходят путем эволюции. Эволюционные изменения являются частичными и постепенными, осуществляются как достаточно устойчивые и постоянные тенденции к увеличению или уменьшению каких-либо качеств, элементов в различных социальных системах; и могут приобретать в связи этим восходящую или нисходящую направленность. Другой формой социальных изменений являются революционные преобразования, когда происходит относительно быстрое и одновременное разрушение всех устаревших элементов системы и замена их новыми элементами, сразу же возникающими в системном единстве.

Революционные социальные изменения отличаются от эволюционных существенным образом.

Во-первых, это не просто радикальные, а в высшей степени радикальные изменения, предполагающие коренную ломку социального объекта.

Во-вторых, они представляют собой не частные, а общие или даже всеобщие изменения.

В-третьих, они, как правило, опираются на насилие⁵.

В социологии социальных изменений выделяют четыре основные концепции революции: поведенческую, психологическую, структурную и политическую. В предложенной П.Сорокиным поведенческой концепции революция определяется как форма отклоняющегося поведения людей, вызванная репрессией врожденных рефлексов.

Психологические теории определяют причины революции в нереализованности «пробудившихся надежд», в падении реальных стандартов жизни или прежних ожиданиях («революция отобранных выгод»), а в блокировании или повороте вспять реальных возможностей успеха («революция прогресса»).

В политических концепциях революция трактуется исключительно как политический феномен, как нарушение баланса власти и борьба соперников за власть.

Однако, как верно отмечает Э.Гидденс, последовательность событий не является революционной, если в ней не присутствует массовое социальное движение. Революцией Э.Гидденс называет «политические изменения, происходящие при противодействии правящих кругов, которые не могут быть принуждены отказаться от своей власти иначе как под угрозой насилия или путем его действительного применения»⁶.

Исторический опыт показывает, что революционные изменения нередко действительно способствуют более эффективному решению назревших социальных проблем, интенсификации экономических, политических и духовных процессов, активизации значительных масс населения и тем самым – ускорению преобразований в обществе. Современные исследователи обществ включал следующие прогрессивные изменения:

- растущую структурную дифференциацию и специализацию общества;
- установление международных организационных систем и рынков;
- формирование современной рыночной экономики и со временных институциональных систем – в экономической сфере индустриальных либо полундустриальных систем;
- распространение относительно открытых, нетрадиционных систем социальной стратификации и мобильности, в которых на первое ме-

сто выходят критерии *достижимости* (конкретно, экономические, профессиональные, образовательные основания для выдвижения);

– ослабление традиционных систем формирования социальных слоев и их замещение при структурировании социальной иерархии и политических режимов более открытыми формами классового типа.

Эти организационные изменения были тесно связаны с основополагающими революционными принципами, иначе говоря, с идеалами равенства, свободы и солидарности и с их институциональными производными – подрывом традиционной формы легитимности, изменением структуры отношений между центром и периферией, ростом воздействия периферии на Центр во имя реализации революционных принципов, далеко идущим преобразованием характера и функций макросоциальных центров, а также правил доступа к ним.

Ряд исследователей, в частности Ш.Эйзенштадт, также отмечают, что социальные преобразования по-разному осуществляются в традиционных обществах и в обществах, вступивших на путь модернизации⁷.

В традиционных обществах революционные преобразования происходили посредством насильственных переворотов, и этот процесс включал различные элементы изменений, которые оказывались в своеобразных сочетаниях. Они отличались значительным переплетением между переменами в тех или иных основополагающих нормах социального взаимодействия, а также соединением этих перемен с изменением структуры доступа к власти, центру, его символам и формам легитимизации.

Толчок к модернизации, совместно с изменениями в основополагающих нормах социального взаимодействия, а также в политической сфере, производит те глубокие преобразования в символической и институциональной структурах общества, которые и составляют существо современной революции⁸.

В научной литературе последних лет, посвященной проблемам социальных изменений, получило широкое распространение понятие «социальная трансформация». В чем заключается социологическое содержание этого термина и как он соотносится с понятием «социальное изменение»?

На наш взгляд, понятие «социальное изменение» обычно используется в области теоретической социологии, для анализа и интерпретации определенных социальных закономерностей. В то же время в прикладной социологии все чаще «звучит» заимствованный из политической практики термин «социальное преобразование», который подразумевает не *только сам процесс, но и активное действие в нем*. Поскольку понятие «социальное преобразова-

ние» предполагает анализ процессов, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общества – политической, экономической, идеологической, духовной и т.п., оно шире понятия «социальное изменение», применение которых строго говоря, ограничивается областью исследования собственно социальных процессов. Понятия же «социальное преобразование» и «социальная трансформация», по существу, синонимы. Слово «трансформация» – это простое «заимствование» английского слова «*transformation*» (трансформэйшн) или французского «*transformation*» (трансформасьон), что в переводе на русский язык означает «преобразование».

Существует мнение, что трансформация – это «взаимоувязанные революционные и эволюционные изменения экономических, социальных и политических структур общества, имеющие в качестве объективной цели такую социально-экономическую и политическую модель общества, которая обеспечивала бы удовлетворение имманентных экономических, социальных и политических потребностей граждан страны и, с другой стороны, обеспечивала бы в условиях глобальной информационной и технологической революции достойное место страны в мировом сообществе»⁹.

С понятием трансформации иногда связывают понятие реформы (как трансформацию, так и реформу относят к разновидностям социальных изменений). При этом под реформой обычно понимают «преобразование, переустройство какой-либо одной стороны общественной жизни, не уничтожающее основ существующей социальной структуры»¹⁰.

Однако, на наш взгляд, трансформация – более широкое понятие, чем реформа. Оно включает в себя помимо изменений, регулируемых на административно-политической основе (как-то изменений институтов, законодательных норм поведения), также и изменения в мотивациях и способах поведения индивидов-членов общества, изменения не только правил, но результатов их хозяйственной активности, изменений социокультурной и технологической структуры общества. Эти изменения не могут быть прямым результатом реформирующих действий, а являются производными первого, второго и большего порядков от этих действий. Другими словами, трансформация включает в себя не только реформы, но и опосредованные изменения общества от этих реформ, изменения, имеющие определенную направленность (определенный вектор) в историческом контексте.

Если трансформация – непрерывный процесс изменений в обществе на разных уровнях, имеющий относительно длительную протяженность во времени, то реформа – дискретный

набор действий. Реформы вице проводятся сверху, являются составной частью государственной политики. Вместе с тем реформа (политическая, институциональная, экономическая) может рассматриваться и как стартовый момент трансформации, этап инициации изменений общества. Реформы – это способ обновления, модернизации общества. Социальные, политические и иные реформы могут служить альтернативой революции или контрреволюции, предупредить или заменить их.

В чем же конкретно заключается процесс реформирования общества, ведущий к его трансформации? Каково его «идеально-типическое» содержание и практический смысл?

Социальный процесс реформирования общества обладает рядом важных особенностей. Процесс реформирования, прежде всего, является целостным, системным процессом. Среди важнейших особенностей любого процесса социального реформирования необходимо назвать его целенаправленный характер.

Цели реформирования зависят от конкретно-исторических условий, сложившихся в тех или иных обществах, масштабы стоящих задач и т.д. В частности, реформы могут быть конкретными, направленными на постепенное изменение самой природы явления или процесса. Такие реформы преследуют, как правило, цель глубинной модернизации, преобразования различных сторон общественной жизни. Реформы могут быть также и частичными, не затрагивающими самой сути преобразованного строя, явления и процесса. Данные реформы преследуют чаще всего цель ограниченной трансформации с целью стабилизировать обстановку в обществе.

Реформы включают все обычные фазы любого преобразования: замысел нового объекта целеполагание, отбор ресурсов, выбор средств и методов, группировку исполнителей, схему принятия решения и т.д.

Масштабы и глубина социальных реформ характеризует свойственную обществу динамику, его адаптивные способности, темпы роста, потенциал развития, а также различные средства предупреждения и устранения противоречий конфликтов¹¹.

Можно выделить другую особенность процесса реформирования. Он, как правило, носит комплексный характер. Комплексность в данном случае означает единство целей, задач, содержания, реформ и методов, стратегии и тактики, этапов реформ. Только четкая связь между данными составляющими способна обеспечить успех данного процесса. По существу, процесс реформирования не может выступать простым набором действий и операций, направленных на изменение одной из сторон общественной жизни, либо какого-нибудь института и учреж-

дения. Все действия по реформированию общества должны быть взаимосвязаны.

Комплексность процесса социальных реформ будет зависеть не только от логической последовательности самих этапов реформаторского процесса (что, в общем, и невозможно в силу новаторской его сущности), но, прежде всего, – от связи осуществляемых в начале любых реформ социального прогнозирования и проектирования с их последующей реализацией. При этом важную роль приобретает именно начальный этап социальных реформ, связанный с рождением их замысла, разработки и проектов.

На начальном этапе разработки проекта реформирования необходимо хотя бы в самом общем виде представить резерв времени, который отводится для выполнения самого проекта. Важным моментом является определение цели и сбор необходимой информации, который осуществляется в том числе с привлечением различных источников. На базе полученной информации разрабатывается задание, которое рассматривается обычно как часть концепции.

На заключительной стадии проектирования принимается решение, выступающее в виде конкретной программы действий. Решение по существу содержит возможные варианты, сроки, основные этапы и последовательность операций. Однако их конкретная реализация, что составляет по существу третий важный этап любого процесса реформирования, будет зависеть от субъективного фактора, а именно от тех людей, которые эти реформы осуществляют.

Важно отметить, что в этом и заключается существенное отличие процесса «реформирования» от трансформационного процесса¹². В любой стране социальные трансформации являются непрерывными, длительными социальными изменениями, которые во многом подчинены ходу общечивилизационного трансформационного процесса. Реформы же обычно иницируются, а затем и проводятся группой лиц, как правило, находящейся у власти.

Вследствие этого особое значение приобретают личностные черты самих реформаторов. В первую очередь это соответствующие знания и опыт, а также такое важное качество, как «реформаторское мышление», непосредственно связанное с той ситуацией, в которой осуществляется реформаторская деятельность. *Поэтому реформаторскому процессу во многом присущи значительная вариативность и неопределенность результатов, что обусловлено действием различных, прежде всего субъективных, факторов и особенностей развития обществ, где осуществляются реформы.*

Таким образом, процесс реформирования является системным, целостным и динамическим процессом, имеющим свою логику и раз-

вивающимся под влиянием различных, как объективных, так и субъективных факторов.

Трудно найти более или менее крупного социолога, который в той или иной форме не затрагивал бы тему социальных изменений.

Важным средством осмысления человеческого общества, его прошлого, настоящего и будущего явились весьма масштабные эволюционистские концепции социальных изменений XIX в. Постараемся выделить из них те моменты, которые представляются необходимыми для дальнейшего исследования.

Социальный эволюционизм представлял собой попытку глобального осмысления исторического прогресса как части общего бесконечно разнообразного и активного процесса эволюции космоса, планетной системы, Земли, животного мира, культуры. Эволюция при этом понималась как имманентный, прогрессивный процесс развития в направлении от простого к сложному, от гомогенного к гетерогенному. Социальные революции признавались только в качестве деструктивного фактора, нарушающего нормальный ход эволюционного развития.

Хотя идеи социального эволюционизма в целом складывались самостоятельно, они следовали логике развития традиционалистской социальной философии. Поэтому появление универсального закона эволюции Г. Спенсера за несколько лет до эволюционных принципов развития биологических видов Ч. Дарвина не случайно.

По Спенсеру, социальная эволюция составляет часть всеобщей эволюции. Она состоит в усложнении форм общественной жизни, их дифференциации и объединении на новом уровне организации. При этом Спенсер представлял социальную эволюцию не как единый процесс, но как множество дивергентных, относительно автономных процессов, включая некоторые процессы регрессивного упрощения социальной организации.

Теория социальной эволюции сочеталась с другой фундаментальной идеей ученого – общества как организма. Согласно Спенсеру, главными предметами в изучении социологии «должны быть рост, развитие, строение и отправление общественного агрегата, как они порождены взаимными действиями отдельных личностей, природа которых отчасти похожа на природу людей вообще, отчасти – на природу родственных племен и отчасти совершенно исключительна»¹³.

В чем же заключается суть и механизм социального развития? По мнению Спенсера, подобно любым развивающимся агрегатам, общества обнаруживают интеграцию, как благодаря простому увеличению массы, так и объединению и рекомбинации масс. Развитие от однородности (гомогенности) к разнородности (ге-

терогенности) подтверждается многочисленными примерами перехода от простого племени, похожего во всех своих «частях», к цивилизованной нации, полной образцов структурного и функционального несходства. С прогрессом интеграции и разнородности общества растет его «связность».

Так, можно увидеть вначале разделенную, рассеянную кочевую группу, не удерживаемую никакими связями, затем – племя с его «частями», связанными подчинением предводителю, политическое объединение племен под водительством вождя с подчиненными вождями и т.д., вплоть до цивилизованной нации, достаточно крепко связанной, чтобы просуществовать тысячу и более лет. Одновременно увеличивается определенность социальной организации. Сначала она расплывчата. Дальнейшее ее развитие приносит устойчивые установления, которые, обретая стабильность, также становятся более конкретными, а сферы их приложения к разным видам действий и все институты – поначалу беспорядочно смешанные, – постепенно разделяются, одновременно яснее отличаясь друг от друга своей внутренней структурой. В процессе дифференциации общества происходит разделение труда.

Таким образом, во всех отношениях выполняется формула эволюции: налицо прогресс в направлении большего размера обществ, их связности, многообразия и определенности¹⁴. Эту формулу можно приложить ко всем социальным и культурным явлениям: «Возрастание общества, как в отношении его численности, так и прочности, сопровождается возрастанием разнородности его политической и экономической организации. То же самое относится ко всем надорганическим продуктам – языку, науке, искусству и литературе»¹⁵.

По мысли Спенсера, социология, имея дело с историческими фактами, также относится к истории, как антропология относится к биографии. Биография фиксирует все случайности человеческой жизни, антропология изучает состояние и деятельность живого тела, а также его прогрессивное развитие. История описывает отдельные события в жизни народа, социология занимается «описанием учреждений этого народа, регулирующих и действующих, и тех путей, которыми постепенно развивались строение и отправления этих учреждений»¹⁶. Следовательно, одной из задач социологии является изучение отдельных общественных учреждений и институтов, благодаря которым общество живет и развивается.

Спенсер защищал идеи капиталистической конкуренции как проявление естественного отбора и считал нормальным разорение и гибель беднейших классов общества, обогащение и продвижение по социальной лестнице бога-

тых и сильных. Все патологические явления капиталистического общества оправдывались Спенсером с позиций общественного «равновесия», медленного, чисто количественного, без скачков и потрясений, эволюционного развития.

Современник и соотечественник Спенсера, английский социолог-позитивист Дж.Ст.Милль среди проблем общества, которые должна, в первую очередь, рассматривать социологическая наука, выделял нахождение естественного исторического порядка, в каком состоянии общества сменяют друг друга, соответственно изменяя типичные для эпохи характер и поведение человека и т.п. При этом основное внимание Милль обращал на особый объект социологической науки – состояние общества.

Состояние общества, по Миллю, – это одновременное состояние всех значительных социальных фактов или явлений. «Состояния общества подобны различным... возрастам живого тела: это состояния не отдельных органов или функций, но организма в целом»¹⁷.

Прежде всего, Милль интересовал вопрос о том, как развивается общество и возможен ли прогресс человечества? Милль был убежден, что идея прогресса содержится во всяком научном представлении об общественных явлениях и, более того, он надеялся на открытие законов прогресса и их великую практическую значимость. «Основная задача социальной науки заключается в отыскании законов, согласно которым всякое данное состояние общества вызывает другое, следующее за ним и замещающее его»¹⁸.

Согласно концепции Милля, движение человечества вперед – от состояния варварства к цивилизации принимает различные формы и имеет различную скорость в разных типах общества, хотя, не исключен и определенный порядок прогресса. Однако необходимо знать, что должно быть сделано, чтобы человеческий род получил возможность продолжить путь к следующей стадии цивилизации, т.е., наука об обществе требует определения закономерности связей между общественными состояниями. Милль указывал на исторический метод определения таких закономерностей. Используя исторический метод, можно определить состояния, через которые люди должны пройти на пути к прогрессу. Ученый также ставил вопрос о совокупности факторов, определяющих содержание прогресса и являющихся его причинами.

По мнению Милля, на каждой стадии цивилизации могут быть созданы определенные условия, которые дадут «толчок» следующей стадии. Так, в силу последовательного порядка смены социальных состояний «главные условия жизни каждого поколения» обусловлены причинами, скрывающимися «в фак-

тах жизни непосредственно предшествующего поколения»¹⁹.

Милль находил, что «развитие всех сторон жизни человечества зависит, прежде всего, от развития умственной жизни людей, то есть от закона последовательных изменений в человеческих мнениях»²⁰. При этом всякому значительному прогрессу в материальной цивилизации предшествует прогресс в знании, а предвестниками важных социальных перемен становятся существенные изменения в образе мыслей общества.

Вслед за Спенсером американские социологи Л. Уорд и Ф. Гиддингс, представители «психологического эволюционизма», рассматривали развитие общества как часть космической эволюции, каждая последующая ступень которой аккумулирует достижения предыдущей. Однако если сторонники биологической ориентации считали социальную эволюцию непосредственным продолжением и частью органической и подчеркивали в ней черты автоматизма, то психозволюционисты видели в усложнении форм общественной жизни результат развития сознательного начала, выдвигая в противоположность принципу Милля и Спенсера «laissez-faire» лозунг «направленной эволюции», т.е., разумного управления социальными процессами.

Так, Уорд считал, что применительно к человечеству спенсеровский принцип космической эволюции должен быть дополнен ценностной идеей прогресса. Социальные институты – результат развития скорее психических, чем витальных сил. «Социальные силы – это те же психические силы, действующие в коллективном состоянии человека»²¹.

Близки Уорду и воззрения Гиддингса, который уточняет, что общество не просто организм, а организация, которая возникает отчасти вследствие бессознательной эволюции, а отчасти как результат «сознательного плана»²².

Значительный вклад в научные представления об эволюции внес Э. Дюркгейм. Если Спенсер рассматривал разделение труда как частное проявление общего эволюционного процесса дифференциации, то у Дюркгейма рост разделения труда уже является причиной и следствием растущей сложности общества.

По Дюркгейму, на одном полюсе социальной эволюции находятся простые общества с неразвитым разделением труда и сегментарной структурой, состоящей из однородных и подобных друг другу сегментов; на другом – высокосложные общества, являющиеся системой различных органов, каждый из которых играет специальную роль и которые, в свою очередь, сами состоят из дифференцированных частей.

Эволюционная цепочка выглядит у Дюркгейма так: в сегментарном обществе растет насе-

ление; это увеличивает «моральную плотность» – многократно умножает общественные отношения, в которые включен каждый человек. Следовательно, усиливается конкуренция; отсюда возникает угроза для сплоченности общества; разделение труда призвано устранить эту угрозу, так как оно сопровождается многообразной дифференциацией и требует взаимозависимости специализированных индивидов и групп.

Здесь разделению труда приписываются функции создания новой системы моральной основы общественной жизни после упадка простой механической солидарности. Сегментарной структуре соответствует механическая солидарность, связующая людей в группы сходной практикой, верованиями и преобладанием принуждения в средствах контроля социального. Более сложная форма социальной организации – органическая солидарность характеризуется ростом значения договорного права. Своей схемой Дюркгейм наметил типичную для современной социологии и теории организации линию рассуждений о соотношении специализации с другими процессами и общим направлением общественного развития²³.

Интерпретация социальных изменений К. Марксом, получившая свое развитие в русле материалистической интерпретации истории развития человеческого общества, имеет ряд общих черт с эволюционными теориями: в обоих случаях предполагается, что в основе изменений лежит взаимодействие с материальной средой. Ключом к пониманию социальных изменений, утверждает Маркс, являются способы, используя которые люди создают все более сложные и совершенные системы производства, усиливают свое влияние на материальный мир, подчиняя его своим целям. Маркс описывает этот процесс как рост производительных сил, или, другими словами, уровня экономических достижений общества. В то же время, согласно его точке зрения, социальные изменения могут происходить не только как процессы постепенного развития, но и как революционные потрясения. Периоды постепенной перестройки производительных сил и других институтов сменяются фазами резких революционных изменений. Таким образом, речь идет о так называемой диалектической интерпретации изменений.

Следует отметить, что отчасти воспринял эволюционную парадигму и М. Вебер, хотя стадийная концепция и особенно неизбежность прогресса представлялись ему спорными. Вебер подверг критике, как эволюционные теории, так и исторический материализм Маркса. Он утверждал, что попытки интерпретировать исторический процесс в целом в терминах адаптации к материальному миру или в терминах экономических факторов, изначально обречены на неудачу. Хотя эти факторы, безусловно, важ-

ны, они никоим образом не могут определять все процессы развития. Никакая «однофакторная» теория не может претендовать на объяснение всего многообразия социального развития человечества. Помимо экономики, не меньшее, а часто большее значение имеют и другие факторы, в том числе военная сила, способы правления, идеология.

Видимо, по этой причине Вебер не занимался систематическим анализом всеобъемлющих социальных преобразований. Его главным вкладом в изучение социальных изменений было раскрытие того, что различные элементы социального порядка имеют собственную динамику и особый характер изменений и что все это может специфическим образом совмещаться в различных ситуациях²⁴.

В середине XIX в. наряду с дальнейшим развитием эволюционистских доктрин в социологии наметился интерес к анализу и революционных изменений. Во многом это было связано с попытками интерпретации причин и сущности буржуазных революций в Европе конца XVIII в.

Следует подчеркнуть, что в построении идеально-типического «образа» революционных изменений «участвовали» не только революционеры и политики, но прежде всего социологи. Этот образ имеет несколько основных составляющих: насилие, новизну и всеобщность перемен. Они относятся в равной степени и к революционному процессу, к его причинам и следствиям.

Революция характеризуется как самый интенсивный, насильственный и осознанный процесс из всех социальных движений. В ней видят предельное выражение свободной воли и глубоких чувств, проявление незаурядных организационных способностей и высокоразвитой идеологии социального протеста. Особое значение придается утопическому или освободительному идеалу, основанному на символике равенства, прогресса, свободы и на убеждении, что революции созидают новый и лучший социальный порядок.

Предпосылками революций признаются фундаментальные социальные аномалии или вопиющие проявления несправедливости, соединение борьбы между элитами с более широкими или глубокими социальными факторами, подобными классовой борьбе, социальные сдвиги, вовлечение в социальное движение крупных (особенно вновь возникающих) общественных групп и их политическая организация. Эти черты составляют образ «чистой» революции, как он сложился в общественном сознании и в классической социологической литературе²⁵.

Первыми социологами, не только систематизировавшими эти черты, но и давшими социологический анализ генезиса революционных изменений, были А.Токвиль и К.Маркс.

Так, в своей работе «Старый режим и революция» Токвиль писал: «То, что в своем начале казалось европейским монархам и государственным мужам лишь преходящим, не то, чтобы необычным симптомом страдания нации, стало ныне чем-то совершенно новым, не похожим ни на одно социальное движение прошлого и по своей масштабности, необычности и непредсказуемости превосходящим всякое человеческое понимание»²⁶.

Теория революции Токвиля получила развитие в попытке объяснить внезапное начало Французской революции 1789 г. Она носила социально-психологический характер и получила название «модель революции возрастающих ожиданий».

Токвиль сделал вывод о том, что революции гораздо реже являются результатом абсолютной нищеты и чрезмерных лишений народа, то есть условий, которые более ассоциируются с отчаянием, безнадежностью, смирением и политической пассивностью. Скорее революции происходят тогда, когда правительство ослабляет рычаги своего влияния после долгого периода притеснения.

Ученый отмечал, что революции по своей природе – суть насилие над законностью. Они приучают людей не склоняться перед законом. Усвоенное в период революций пренебрежение законом сохраняется и после революции, становится возможной причиной деспотизма. Согласно Токвилю, наиболее опасный момент для плохого правительства, это когда оно ищет путь, как улучшить свои действия. Так случилось во Франции в 1788 г. Вместо того, чтобы удовлетворить потребности в политических переменах, реформаторы лишь повысили массовые ожидания и генерировали тем самым революционный пыл народа.

Следует отметить, что эти воззрения Токвиля созвучны взглядам известного английского философа XVIII в. Э.Берка.

Всякую власть, согласно Берку, можно считать плодотворной только тогда, когда она имеет возможность оперативно отражать, учитывать и своевременно претворять в жизнь интересы множества разных людей, принадлежащих к различным слоям общества. Оценка непохожих точек зрения, а не устранение их носителей должна вестись постоянно, не от случая к случаю. Именно здесь гарантия успеха в политических делах. Это норма, обязанность, а не заслуга политического управления. Всякое иное (кроме нравственного, с его вниманием к жизни человека) руководство должно внушать тревогу; поэтому «простые правительства изначально несовершенны»²⁷.

Как уже было отмечено выше, учение об обществе и общественном развитии К.Маркса и Ф.Энгельса, базирующееся на последователь-

ной смене общественно-экономических формаций, носит, по существу, эволюционистский характер. Так, в предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс писал: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»²⁸.

Анализ периодизации общественного прогресса настоятельно требует рассмотрения иной стороны концепции, а именно вопроса о переходах от одной формации к другой.

Согласно учению Маркса, такой переход происходит путем революции. Ее первоочередная задача – завоевание власти. Цель социалистической революции – «уничтожение эксплуатации человека человеком, построение бесклассового общества, изжившего частную собственность, подъем производства, культуры и благосостояния масс. Это задачи общественные, классовые. С ними тесно связаны человеческие измерения коммунизма – расцвет личности, ее гармоническое существование в обществе. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»²⁹.

Теория Маркса содержит также определение двух типов революций, знаменующих собой переходы между самими общественными формациями и отдельными этапами внутри них.

Так, первое упоминание о двух типах революций – революции социальной и революции политической – содержится в статье К.Маркса, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике». По мнению Маркса, политическая революция ниспровергает деспотическую власть и поднимает государственные дела на высоту дел народа, разбивая все сословия, корпорации, цехи, привилегии, которые представляли собой столь же разнообразные выражения отрыва народа от его политической общности. Тем самым она уничтожает именно политический характер гражданского общества³⁰. При этом революционное изменение, уничтожающее весь порядок вещей, основанный на частной собственности и эксплуатации, рассматривалось Марксом как социальная революция. Только осуществляемое рабочим классом преобразование подобного масштаба, по мнению основателей марксистского учения, дает человечеству возможность «организовывать свои «собственные силы» как общественные силы»³¹. Эпоха социальной революции рассматривается Марксом как период изменений, обуславливающих становление новой общественной формации, а сама социальная революция, в отличие от революции политической, представляет со-

бой процесс, временные рамки которого могут быть определены лишь с большой долей условности, т.е. снова появляется возможность говорить о социальной эволюции³².

Таким образом, термины «политическая» и «социальная» революция применялись основателями марксизма для обозначения различных типов исторических изменений. Поэтому положения о характере социальных изменений, имплицитно соотносящиеся с революционными, наиболее четко выражены в той концептуальной схеме, которая занимает центральное место в классическом анализе макросоциальных изменений, а именно в схеме стадийной эволюции человеческих обществ. При этом сама идея стадийности предполагает нарушение непрерывности при переходе от одной стадии к другой, а приверженцы этой схемы доказывают, что все сферы социальной жизни проходят через одни и те же или параллельные стадии. Практически все представители классической социологии считают этот процесс наиболее фундаментальным и значительным в развитии человеческих обществ.

В то же время эти ученые придерживаются различных взглядов относительно основных факторов широких социальных изменений и конечных освободительных целей социальной эволюции. Они различаются также между собой в оценке роли насилия при переходе от одного этапа к другому.

В связи с идеологическими и политическими дискуссиями, начавшимися между революционерами и реформаторами в конце XIX в., определенное внимание в литературе было уделено различию в предпосылках эволюционных и революционных социальных преобразований.

Согласно одной из основных посылок классического социологического анализа причины социальных изменений кроются в характере социального устройства. Эта посылка отражает специфически социологическую постановку вопроса, которая очень неравномерно эволюционировала с начала XIX в. и отличается от постановки вопроса в философских традициях и идеологических учениях.

В центре внимания оказывается анализ условий и механизмов осуществления социального порядка, а также элементов его составляющих, преемственности и изменений в социальном порядке вообще и в его различных типах.

Следует отметить, что один из аспектов социального порядка – организационный, т.е. анализ механизмов, институциональных форм или процессов, обеспечивающих некоторую предсказуемость во взаимоотношениях людей и делающих возможным общественное разделение труда. Поэтому в классическом социологическом анализе большое место уделяется выявлению тех механизмов, которые объясняют,

как в том или ином обществе осуществляется общественное разделение труда. Более того, социология стремится к определению тех факторов или закономерностей (классовая борьба, специфика человеческого мышления, индивидуальные интересы и мотивы), на которых основано общественное разделение труда.

Однако при углубленном социологическом рассмотрении этой сферы выясняется, что организационные структуры и механизмы социального взаимодействия и общественного разделения труда сами по себе не делают человеческое поведение предсказуемым и не обеспечивают приемлемость общезначимых обязательств, без которых социальный порядок не может существовать. Напротив, сама по себе социальная организация не только не способна предупреждать возникновение в обществе беспорядка, но и в известном смысле обостряет эту проблему, поскольку из области организационных предпосылок она превращается в предмет осознанного интереса. Формулируясь в символических категориях, эти предпосылки еще более подчеркивают возможность беспорядка, произвольности и случайности в социальной жизни и организации.

Выявление напряженности между организационными механизмами общественного разделения труда и общественным признанием существующего социального порядка³³ и представляет одно из главных достижений социологического анализа.

Так, Маркс сосредоточился на эксплуатации и отчуждении, обусловленных разделением труда (и особенно – классовым разделением труда), и на идеологическом прикрытии, которое создает правящий класс, чтобы замаскировать возникающее в обществе отчуждение. Его основной аналитической концепцией было положение о том, что отчуждение порождается динамикой созданной самим человеком среды, поскольку эта среда формируется путем классовых революций. Отсюда утверждение Маркса о том, что отчуждение и конфликт присущи всем классовым обществам.

Дюркгейм и Вебер использовали анализ дезорганизации как главный инструмент для лучшего понимания условий и механизмов функционирования социального порядка и сравнительного анализа разновидностей социального порядка.

Дюркгейм, подчеркивая несовершенство чисто договорных связей, предполагал, что именно процесс разделения труда создает главную проблему социального порядка, и в связи с этим выделял значение символических, недоговорных элементов. Анализ Дюркгеймом аномии является контрапунктом его озабоченности проблемами социальной интеграции. Он показал, как разные типы аномии, преступности и уголовного права связаны с различными типами разделения труда и недоговорными элементами.

Вебер придавал особое значение легитимизации материальных интересов, интересов власти или престижа, что вполне соответствует точке зрения Дюркгейма. Для Вебера основной проблемой социологического анализа было соотношение тенденций к созиданию и разрушению институтов, свойственное феномену харизмы. Подобно Марксу, Дюркгейм и Вебер констатировали возможность существования факторов изменений и конфликта среди компонентов социального порядка; но, в отличие от него, они допускали, что такие конфликты имеют постоянную природу. В результате Дюркгейм и Вебер оказались более открытыми в плане выявления структурных предпосылок возникновения конфликтов и изменений³⁴.

Таким образом, не только анализ сущности и механизмов социальных изменений, как эволюционных, так и революционных, но и исследование связи изменений с дезорганизацией общества, выявление их источника в напряженности между организационными и легитимизационными аспектами социального порядка – заслуга крупнейших социологов XIX–начала XX вв. Именно этому направлению понимание природы социальных изменений в большей степени обязано основным сдвигам в своем развитии.

¹ *Ritner G. Social Forces in the Development of Sociological Theory // Sociological Theory. McGraw Hill, 2000*

² История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. С.30, 35–37.

³ Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С.145.

⁴ Социология: основы общей теории. М., 1996. С.317.

⁵ Там же. С.323.

⁶ Гидденс Э. Социология. М, 1999. С.568.

⁷ *Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ. М., 1999. С.201–219.*

⁸ Там же. С.364.

⁹ *Исправникова Н.Р. Реформирование отношений собственности как фактор активизации инвестиционного процесса. Автореферат диссертации д.э.н. М., 2000. С.16.*

¹⁰ Российская социологическая энциклопедия. С.447.

¹¹ Новая философская энциклопедия. М., 2001. С.450. Т. 3.

¹² Как трансформацию, так и реформу иногда относят к разновидностям социальных изменений.

¹³ *Спенсер Г. Социология как предмет изучения. СПб., 1896. С.50.*

- ¹⁴ Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1 // Сочинения. Киев; СПб., Б.г. Т. 4. С.374.
- ¹⁵ Спенсер Г. Основные начала // Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С.613.
- ¹⁶ Спенсер Г. Социология как предмет изучения. С.234.
- ¹⁷ Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. СПб., 1914. С.830.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С.841.
- ²⁰ Там же. С.845.
- ²¹ Ward I.F. The psychic factors of civilization. Boston, 1993. P.123.
- ²² Гиддингс Ф.Г. Основания социологии. М., 1898. С.416.
- ²³ История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. С.155–160.
- ²⁴ Bendix R. Max Weber: An intellectual portrait – Garden City: Doubleclay. 1960.
- ²⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999. С.44.
- ²⁶ Tocqueville Alexis de. The Ancient Regime and the French Revolution. L., 1966. P.46.
- ²⁷ Edmund Burke on Government, politics and Society // Selected and ed. By Hill. L. Glasgow, 1975. P.328
- ²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С.7–8.
- ²⁹ Там же. Т. 4. С.447.
- ³⁰ Приводится анализ буржуазной революции, данный Марксом.
- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 406.
- ³² Осипова Н.Г., Соколов Е.Е. Социалистические взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса. Ученик К.Маркса и марксизм. Социалистический аспект. М., 2001. С.24–25.
- ³³ На общественном признании основан легитимизационный аспект социального порядка.
- ³⁴ Jessop B. Social order, reform and revolution. N.-Y., 1972. P.148.